

FEATURES
FEBRUARY 2018 — VOL. 82, NO. 8

Dima, Beloved

Dmitri Hvorostovsky had a singularly powerful connection to his audiences.

By Jennifer Melick

At the Met in 2006, as Rodrigo in *Don Carlo*

DMITRI HVOROSTOVSKY'S VOICE WAS LIKE THE BEST kind of embrace—exceptionally warm, powerful but not smothering, drawing you in and not letting go. There was almost no edge to the sound; it was all plush and power and core, giving the illusion of unwavering strength. He stood ramrod-straight, and when he opened his

mouth to sing, the long phrase arcs of Verdi or Tchaikovsky or Mozart seemed to roll out undergirded by phenomenal breath control and, presumably, huge natural lung capacity. His pitch was remarkably accurate, so that even American listeners unfamiliar with Russian operas such as *Queen of Spades* or *War and Peace* could clearly perceive Yeletsky's and Prince Andrei's lines and, underneath them, the harmonic progression the composer was going for. If you understood even a bit of Russian, you could make out every word. Because the text was so clear, and put across in a way that felt so direct and intimate, the vastness of the opera house seemed to disappear, and arias felt more like songs. Conversely, in songs—even “Moscow Windows” on *Moscow Nights*, his 2005 album of post-World War II songs, which sounds like it belongs on the soundtrack of a 1960s James Bond movie—he took great care to keep histrionics to a minimum, making those songs somehow more like arias—less sentimental, and more substantial, meaningful and special.

Hvorostovsky's voice, combined with his looks—those eyes, and the prematurely silver shock of hair that made him so perfect for Tchaikovsky's Byronesque lady-killer Eugene Onegin—turned him into a pop-culture idol. *People* magazine named him one of the world's fifty most beautiful people in 1991, and he was featured on the popular *Barihunks* website on the second day of its existence with a link to him singing “Ya vas lyublyu,” from *Queen of Spades*. In his native Russia, he became the single-name superstar Dima, à la Madonna or Sting. He grew up in the Soviet Union, but unlike singers ten or twenty years his senior, he was lucky to hit his prime just as the U.S.S.R. disbanded and artist travel to the West became easier and more frequent. Thus he became a top name internationally as well, touring on his own and with the Mariinsky Opera and Valery Gergiev at opera houses pretty much everywhere. In 1989, Hvorostovsky leapt to attention by winning the Cardiff Singer of the World Competition. Footage from the competition finals—the Verdi arias “Son io, mio Carlo,” from *Don Carlo*, and “Eri tu,” from *Un Ballo in Maschera*—demonstrate that already, at twenty-seven, Hvorostovsky had everything in place. He displays the creamy legato, polished phrasing, raw power and aristocratic stage persona for which he would become widely known. His Italian is natural and idiomatic, and it's obvious he understands the words. His rolled *rs* are exquisite. His voice is powerful, but it floats, so that it never feels heavy. There is a stillness, a dignified composure, that made him a natural fit for principled characters such as Rodrigo, or rulers such as Simon Boccanegra, the latter recorded in 2015 with Barbara Frittoli (Amelia), Stefano Secco (Gabriele) and Ildar Abdrazakov (Fiesco), with Lithuania's Kaunas City Symphony Orchestra and State Chorus, led by longtime colleague Constantine Orbelian.

As Onegin to Renée Fleming's Tatiana, in the 2007 *Eugene Onegin* that marked the first Met: Live in HD transmission for both artists

OPERA IS FULL OF LOW-VOICED fathers and schemers and villains; not every baritone is successful as the love interest, but these characters suited Dima to a T. His impassioned love arias in the works of Tchaikovsky—Mazeppa's "O, Marija, Marija!" and Robert's "Kto mozhet sravnitsa s Matildoi moyei," from *Iolanta*—seem to draw the listener in physically, and in *Queen of Spades* it seems inconceivable that Lisa would resist his rendition of Yeletsky's "Ya vas lyublyu." As Mozart's Don Giovanni, he was all suave seduction in "Deh, vieni alla finestra." He had a special affinity for roles such as

the bored aristocrat Eugene Onegin, the princes Yeletsky and Andrei, and Mozart's Count Almaviva.

Hvorostovsky's timbre—a bel canto smoothness with chocolaty Slavic hints—miked and recorded well, and his telegenic face was a boon for TV and HD opera, especially given his ability to scale down opera-house expressions to the dimensions of the small screen. Like many top-tier opera singers, he performed and recorded music he personally was drawn to, or that he felt wasn't widely enough known. He seemed to have a new recital disc out every year or two, tackling everything from Russian liturgical music to Shostakovich's *Suite on Poems by Michelangelo* and Liszt's *Petrarca Sonnets* to music inspired by poetry of Pushkin and songs of Georgy Sviridov. This was all in addition to numerous operatic CDs and DVDs, including gala concerts and arias and duets with singers ranging from Renée Fleming and Anna Netrebko to Olga Borodina and Sondra Radvanovsky.

In concert in Tashkent, Uzbekistan, 2011

LIFE WAS NOT ALL SMOOTH SAILING for the baritone. Growing up in Siberia in the late Soviet era was not easy, and Hvorostovsky spoke openly about his struggles in the 1990s with alcohol, which he gave up entirely in 2001. The father of four children from two marriages, he lived happily for many years in London with his second wife, Florence. He retained an intense connection to Russia, however—one that he said grew stronger during the years away. In 2003, he released an album of popular Russian songs from the World War II years, *Where Are You, My Brothers?*. His follow-up 2005 disc, *Moscow Nights*, featuring popular and deeply sentimental songs from the postwar Soviet era, is nothing short of spectacular. “Kak molodiy my byli” (How Young We

Were), with its sweeping violins and key changes, steps right to the edge of taste, but Hworostovsky somehow imbues it with dignity: he's sharing it, not selling it. At the end of the song, he dips to a whispery hush, the sound of a grandfather remembering his youth. The CD's final bonus track, Shostakovich's "Rodina slyshit" (Motherland hears), features Dmitri both young and old: it starts with a home recording of him singing the song as an eleven-year-old boy, with his father at the piano, then morphs into him singing the song as an adult. It's not just a look back for Dmitri: to any Russian of a certain age, the song is remembered as the one that Cosmonaut Yuri Gagarin was listening to while circling the earth as the first man in space in 1961.

Russian folksong presents a bit of the same challenge as singing Mozart: it's not as easy as it seems. The repeated dominant note of the scale is what you hear over and over in "Odnovuchno gremit kolokol'chik" (The Lonely Coach Bell) on Hworostovsky's 2014 album *The Bells of Dawn: Russian Sacred and Folk Songs*. "Kolokol'chik" is slow and ruminative, and its lyric arcs seem to stretch on and on: Hworostovsky makes it sound effortless. Here, singing over simple triads voiced by a wordless choir, he ends every stanza except the last one on the dominant note, and each time it's more compelling than the last. Why? There is just the right hesitation, the pitches are centered just so, and there's an acute sense of nostalgia and yearning, but there is also an intangible and ineffable quality. It's a small mystery.

As Count di Luna in the Met's 2015 *Trovatore* revival

In June 2015, it was announced that Hvorostovsky was being treated in London for brain cancer. The mood was highly charged when he returned to the Met the following September, after several months of cancelations, to sing Count di Luna in *Il Trovatore*. Opera-lovers were deliriously happy to have him back onstage, and they showed it with thunderous applause at his first entrance and again after his aria “Il balen,” in which he sounded remarkably unchanged. His presence notched things up, spurring Netrebko’s Leonora and Dolora Zajick’s Azucena to a feverish intensity. At curtain call, he was showered with white roses as Netrebko, a close friend, stood beside him in tears. That fall, he threw himself back into performing, and the next month he was back in the studio to record *Dmitri Hvorostovsky Sings of War, Peace, Love and Sorrow*, featuring arias and scenes from Prokofiev’s *War and Peace*, Rubinstein’s *Demon* and Tchaikovsky’s *Iolanta*, *Queen of Spades* and *Mazeppa*. In December 2016, balance issues resulting from his brain cancer began to surface, making it difficult to move onstage, and he withdrew from all staged opera productions, among them a *Eugene Onegin* at the Met in spring 2017, as well as Germont in Vienna, Iago in Dresden and di Luna in London. He kept his 2017 concert dates in Kaliningrad, Minsk, Vienna, Toronto, Dublin and Moscow.

IT WAS OBVIOUS HOW MUCH JOY Hvorostovsky got from being onstage, even in the silliest, hokiest moments of opera galas, such as an “O sole mio” he sang with Jonas Kaufmann in Moscow in 2008. The grin on his face seems to say, “If you can’t have fun with this, what’s the point?” He wasn’t above state-sponsored spectaculars: in 2003, for instance, he sang World War II-era songs before 6,000 people at the Kremlin. If his voice was an embrace, audiences embraced him right back: via YouTube, you can watch as the camera pans over the rapt faces of the crowd as he sings “Moscow Nights” in Moscow’s Red Square in June 2013. Audience members aren’t screaming, but their adoring expressions wouldn’t be out of place at an Elvis or Beatles concert. Even Netrebko looks overcome at moments: Hvorostovsky had that effect on people. ■

[Dima, Beloved \(operanews.com\)](http://operanews.com)

Дима, любимый

Дмитрий Хворостовский обладал необычайно сильной связью со своей аудиторией.

Дженнифер Мелик

Голос Дмитрия Хворостовского был похож на самые лучшие объятия - необычайно тёплые, мощные, но не удушающие, притягивающие и не отпускающие тебя. В звуке почти не было шероховатостей; он был весь из бархата, мощи и стержня, вызывая ощущение непоколебимой силы. Он стоял прямо, и когда он открывал рот, чтобы петь, длинные фразы Верди, Чайковского или Моцарта, казалось, выкатывались наружу, подкреплённые феноменальным контролем дыхания и, предположительно, огромным естественным объёмом лёгких. Его подача была удивительно точной, так что даже американские слушатели, незнакомые с русскими операми, такими как "Пиковая дама" или "Война и мир", могли ясно различить строки Елецкого и князя Андрея, а под ними - гармоничную прогрессию, к которой стремился композитор. Хотя немного понимающие по-русски могли бы разобрать каждое слово. Поскольку текст был настолько ясен и передан таким простым и интимным образом, необытность оперного театра, казалось, исчезала, и арии больше походили на песни. И наоборот, в песнях — даже в "Московских окнах" в его диске послевоенных песен «Подмосковные вечера» 2005 года, который звучит так, будто его место в саундтреке к фильму о Джеймсе Бонде 1960-х годов, — он очень старался свести театральность к минимуму, делая эти песни как-то больше похожими на арии - менее сентиментальными и более содержательными, значимыми и уникальными.

Голос Хворостовского в сочетании с его внешностью — этими глазами и преждевременно поседевшими волосами, которые сделали его таким идеальным для байроновского сердцеда Евгения Онегина Чайковского - превратили его в кумира поп-культуры. В 1991 году журнал People назвал его одним из пятидесяти самых красивых людей мира, а на популярном сайте Vagihunks на второй день его существования появилась ссылка на его исполнение "Я вас люблю" из "Пиковой дамы". В своей родной России он стал суперзвездой с одним именем Дима, как Мадонна или Стинг. Он вырос в Советском Союзе, но, в отличие от певцов на десять или двадцать лет старше него, ему повезло достичь расцвета как раз в тот момент, когда СССР распался и поездки артистов на Запад стали проще и чаще. Таким образом, он стал известным и на международном уровне, гастролируя самостоятельно и вместе с Мариинским театром и Валерием Гергиевым практически везде.

В 1989 году Хворостовский обратил на себя внимание, выиграв конкурс "Певец мира" в Кардиффе. Кадры финала конкурса - арии Верди "Son io, mio Carlo" из "Дона Карло" и "Eri tu" из "Бала-маскарада" - доказывают, что уже в двадцать семь лет у Хворостовского всё было на высоте. Он демонстрирует нежное легато, отточённую фразировку, необузданную мощь и аристократическую сценическую манеру, благодаря которым он станет широко известен. Его итальянский естественный и идиоматичный, и очевидно, что он понимает слова. Его раскатистые "р" изысканны. Его голос мощный, но он плывёт, так что никогда не кажется тяжёлым. В нём есть спокойствие, полное достоинства самообладание, которые сделали его естественным для таких негибких персонажей, как Родриго, или правителей, таких как Симон Бокканегра на диске, записанном в 2015 году с Барбарой Фриттоли (Амелия), Стефано Секко (Габриэле) и Ильдаром Абдразаковым (Фиеско), с Литовским городским симфоническим оркестром Каунаса и Государственным хором, с дирижёром и давним коллегой Хворостовского Константином Орбеляном.

Опера полна отцов, интриганов и злодеев с низкими голосами, не каждый баритон успешен в качестве героя-любownika, но эти персонажи подходили Диме на все сто. Его страстные любовные арии в произведениях Чайковского - Мазепы "О, Мария, Мария!" и "Кто может сравниться с Матильдой моей" Роберта из "Иоланты" - кажется, физически притягивают слушателя, а в "Пиковой даме" кажется невыносимым, чтобы Лиза устояла перед исполнением его Елецкого "Я вас люблю". В роли Дон Жуана Моцарта в "Deh, vieni alla finestra" он был само элегантное оболыщение. Ему были особенно близки роли вроде скучающего аристократа Евгения Онегина, князей Елецкого и Андрея, в также моцартовского графа Альмавивы.

Тембр Хворостовского — плавное бельканто с шоколадными славянскими нотками — хорошо звучал в микрофон и записывался, а его телегеничное лицо было находкой для телевидения и прямых трансляций опер, особенно учитывая его способность уменьшать экспрессию для огромного зала оперного театра до размеров маленького экрана. Как и многие первоклассные оперные певцы, он исполнял и записывал музыку, к которой его лично тянуло или которая, по его мнению, была недостаточно широко известна. Казалось, каждый год или два у него выходил новый сольный диск, на котором он исполнял всё: от русской духовной музыки, сюиты Шостаковича на стихи Микеланджело и сонетов Петрарки и Листа до музыки, вдохновлённой поэзией Пушкина, и романсов Георгия Свиридова. Всё это в дополнение к многочисленным оперным CD и DVD-дискам, включая гала-концерты, арии и дуэты с певицами от Рене Флеминг и Анны Нетребко до Ольги Бородиной и Сондры Радвановски.

В жизни баритона не всё шло гладко. Раста в Сибири в конце советской эпохи было непросто, и Хворостовский открыто говорил о своей борьбе с алкоголем в 1990-х годах, от которого он полностью отказался в 2001 году. Отец четырёх детей от двух браков, он много лет счастливо жил в Лондоне со своей второй женой Флоранс. Но он сохранил сильную связь с Россией, которая, по его словам, только усилилась за годы разлуки. В 2003 году он выпустил альбом популярных русских песен периода Второй мировой войны "Where Are You, My Brothers?". Его следующий диск 2005 года "Подмосковные вечера", включающий популярные и глубоко сентиментальные песни послевоенной советской эпохи, можно назвать просто потрясающим. Песня "Как молоды мы были" с её широкими мазками скрипок и сменами тональности балансирует на грани хорошего вкуса, но Хворостовский каким-то образом придаёт этому достоинство: он делится ею, а не продаёт. В конце песни он переходит на тихий шёпот дедушки, вспоминающего свою молодость. Последний бонус-трек диска "Родина слышит" Шостаковича показывает Дмитрия и молодым, и взрослым: он начинается с домашней записи одиннадцатилетнего мальчика под аккомпанемент отца и продолжается взрослым голосом. Для Дмитрия это не просто взгляд назад: для любого россиянина определенного возраста эта песня связана с именем космонавта Юрия Гагарина, первого человека в космосе в 1961 году.

Русская народная песня представляет собой примерно ту же проблему, что и пение Моцарта: это не так просто как кажется. Повторяющаяся доминирующая нота гаммы - это то, что вы слышите снова и снова в песне "Однозвучно гремит колокольчик" в альбоме Хворостовского 2014 года "The Bells of Dawn: Russian Sacred and Folk Songs". "Колокольчик" медленный и задумчивый, а его лирические дуги, кажется, тянутся всё дальше и дальше: Хворостовский делает это без усилий. Здесь, исполняя простые трезвучия, озвученные бессловесным хором, он заканчивает каждую строфу, кроме последней, на доминирующей ноте, и каждый раз это более убедительно, чем

предыдущая. Почему? Здесь совершенно уместные паузы, тональности расположены точно по центру, есть острое чувство ностальгии и тоски, но есть также что-то неосоздаваемое и невыразимое. Это маленькая тайна.

В июне 2015 года было объявлено, что Хворостовский проходит лечение в Лондоне от рака мозга. Настроение было очень напряженным, когда после нескольких месяцев отмен в сентябре он вернулся в Метрополитен, чтобы спеть Графа ди Луну в "Трубадуре". Любители оперы были безумно рады его возвращению на сцену, что продемонстрировал гром аплодисментов при его первом выходе и снова после его арии "Il balen", в которой он звучал удивительно неизменно. Его присутствие накалило обстановку, подстегнув Леонору Нетребко и Азучену Долору Заждик к лихорадочному напряжению. Под занавес его осыпали белыми розами, а Нетребко, близкая подруга, стояла рядом с ним в слезах. Осенью того же года он с головой окунулся в выступления, а в следующем месяце вернулся в студию, чтобы записать диск "Дмитрий Хворостовский поёт о войне, мире, любви и печали", в который вошли арии и сцены из "Войны и мира" Прокофьева, "Демона" Рубинштейна и "Иоланты", "Пиковой дамы" и "Мазепы" Чайковского.

В декабре 2016 года проблемы с равновесием, вызванные раком мозга, обострились, что затрудняло передвижение по сцене, и он отказался от всех запланированных оперных ролей, среди которых Евгений Онегин в Метрополитен весной 2017 года, а также Жермон в Вене, Яго в Дрездене и Ди Луна в Лондоне. Он сохранил планы своих концертных выступлений 2017 года в Калининграде, Минске, Вене, Торонто, Дублине и Москве.

Было видно, сколько радости Хворостовский получает от пребывания на сцене, даже в самые глупые, смешные моменты оперных гала, как "O sole mio", которую он пел с Йонасом Кауфманом в Москве в 2008 году. Усмешка на его лице словно говорит: "Если ты не можешь получить от этого удовольствие, то какой в этом смысл?". Он не отказывался от спонсируемых государством зрелищ: в 2003 году, например, он пел песни времён Второй мировой войны перед 6000 человек в Кремле. Если его голос был объятием, зрители обнимали его в ответ: на YouTube вы можете посмотреть, как камера скользит по восхищённым лицам зрителей, когда он поёт "Подмосковные вечера" на Красной площади в Москве в июне 2013 года. Зрители не кричат, но выражение обожания были бы уместны на концерте Элвиса или Битлз. Даже Нетребко в некоторые моменты выглядит потрясённой: Хворостовский так воздействовал на людей.

Перевод Н.Тимофеева